

Нат. БУМАГИНА

СКАЗИТЕЛЬНИЦА

Лесной поселок Гирвас. Мы сидим у печки в доме Анисьи Васильевны Ватчиевой, старейшей карельской сказительницы; недавно ей исполнилось девяносто лет. Опрятная, ухоженная, держится прямо, взгляд изучающий, даже строгий, пушистые седые волосы собраны в пучок, укрыты платком. Дома тихо. Все домашние ушли по делам.

— Пожалуйста, спойте что-нибудь старинное,— прошу я.

— Не стало у меня голоса. Ну, да уж если просишь, слушай. Тебе громко-то и не надо.

Старушка нагнулась к печке, поправила доражающие угли. Темное лицо ее осветилось, помолодело.

— Во лесах-то было во дремучих,
Ой, брала Маша грибы, грибы-ягоды
Маша брала...

Тихим, приятным голосом ведет она песню, потом другую. В них тоска-кручина либо — почти без перехода — веселый, бойкий ритм, хоть пляши:

Озеро широко,
Да белой рыбы много.
Ой, бела рыба щука,
Да белая белуга,
Ой, белая, белая,
Да девица милая,
Девица милая,
Да радость дорогая...

Край карельский всегда был заповедником народного творчества. Песни, руны, причитания записаны здесь во множестве. Ирина Фе-

досова, знаменитая песенница,— уроженка здешних мест. Молодой Горький, пораженный этим искусством, посвятил ей очерк «Волленица» и затем не раз возвращался к ее образу. Но все это было давно.

А сейчас старая женщина начинает рассказ о бесконечно простой и суровой своей жизни.

Деревня Сопоха, что недалеко от Кондопоги, среди леса, воды и камня — родина Ватчиевой; отец ее — рыбак и охотник. Бегала с подружками по грибы, по ягоды. Лет с пяти нянчила братьев и сестер,— а их было двенадцать. Помогала родителям рыбачить. Летом полевые работы, а зимой-то, бывало, мережу выбираешь, пальцы занеуют...

— Очень я в школу просилась, когда она открылась у нас. Всего одну осень побегала. На том и кончилось учение. Сиди возле зыбки, отец говорит. Петь научилась от мамы. Ей хоть и тяжело было с маленькими ребятами, она пела везде: в поле, на лугу, на игрищах... На свадьбы и на похороны ее звали.

...Я слушаю «Плач матери при отправке сына в солдаты» Ватчиевой. Его можно сравнить со старинными рекрутскими плачами. Провожая сына в армию, мать просит его сходить в кузницу, сковать четыре обруча железных и четыре замка:

Затяни-тко свое ретйвое сердеченко
На четыре годика обручами железными,
Ты замкни, замкни вольну волюшку
На четыре замка молодецкую.

В годы Отечественной войны опять возродился этот совсем было позабытый жанр. Рас-

ставаясь с младшим сыном, уходившим на фронт, Анисья Васильевна пела:

Уж ты молодой да как рябинушка,
И зеленый да как травинушка,
Умом-разумом не насбираный,
И есть плечушки да узешеньки,
И есть силушка да малешенька...

Через месяц он, восемнадцатилетний сын Ватчиевой, погиб...

В новых песнях-сказах тоже бьется большое сердце матери. Когда я попросила ее исполнить «Плач о Юрии Гагарине», она сказала, что «на голос» петь не сможет, а то расплачется, а будет просто рассказывать, как сказ. И все равно разволновалась, долго не могла успокоиться, сидела неподвижно...

Прибежала из школы первоклассница Наташа, внучка Анисьи Васильевны. Румяная, веселая роза, глаза горят от солнечного дня. Наташа приластилась к бабушке, скороговоркой выпалила последние новости:

— По русскому — «четыре», по математике — тоже, по чтению — «пять».

— Толковая девка,— говорит бабушка.— Сейчас в музыкальную школу поступила. Пианино ей из города выписали, скоро должны прислать...

— Анисья Васильевна,— спрашиваю я,— а кто станет героем ваших новых сказов?

— Сказ-то складывается не просто,— отвечает сказительница.— Это ведь сердце говорит.

Фото С. Майстермана (ТАСС)